

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

НАПОЛЕОН

*иллюстрированное
издание*

Иллюстрированная история с Эдвардом Радзинским

Эдвард Радзинский

Наполеон.

Иллюстрированное издание

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Наполеон. Иллюстрированное издание / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2024 — (Иллюстрированная история с
Эдвардом Радзинским)

ISBN 978-5-17-158610-2

Когда подняли безымянную плиту, под нею оказались еще несколько тяжелых плит (две были отлиты из металла). Император покоился в четырех гробах, заключенных друг в друга. Так англичане стерегли его после смерти... Наконец открыли последний гроб. В истлевшей одежде, покрытый истлевшим синим плащом с серебряным шитьем (в нем он был при Маренго), император лежал совершенно... живой. Он был таинственно не тронут тлением! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158610-2

© Радзинский Э. С., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Из архива Шатобриана	6
Рукопись	7
Обычный вечер	18
Жаркие дни после Ватерлоо	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдвард Радзинский

Наполеон. Иллюстрированное издание

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии

© Э. Радзинский, 2024

© ООО Издательство АСТ, 2024

Из архива Шатобриана Письмо издателю

Я купил рукопись Лас-Каза в сентябре 1842 года в Женеве. Основной текст рукописи написан, видимо, в 1815 году. Но много позднее автором были сделаны многочисленные вставки в этот текст – другими чернилами. Думаю, их следует набирать курсивом.

P. S. Вчера я читал рукопись маленькому Гийому. Ему четырнадцать лет, он родился после смерти Бонапарта, и все великие имена, столь недавно будоражившие воображение века, ему уже неизвестны. Банальное, но, увы, вечное – *Sic transit gloria mundi!* А что будет еще через десяток лет?..

Поэтому высылаю с нарочным самые краткие (ибо ненавижу, когда прерывают чтение) примечания.

Рукопись

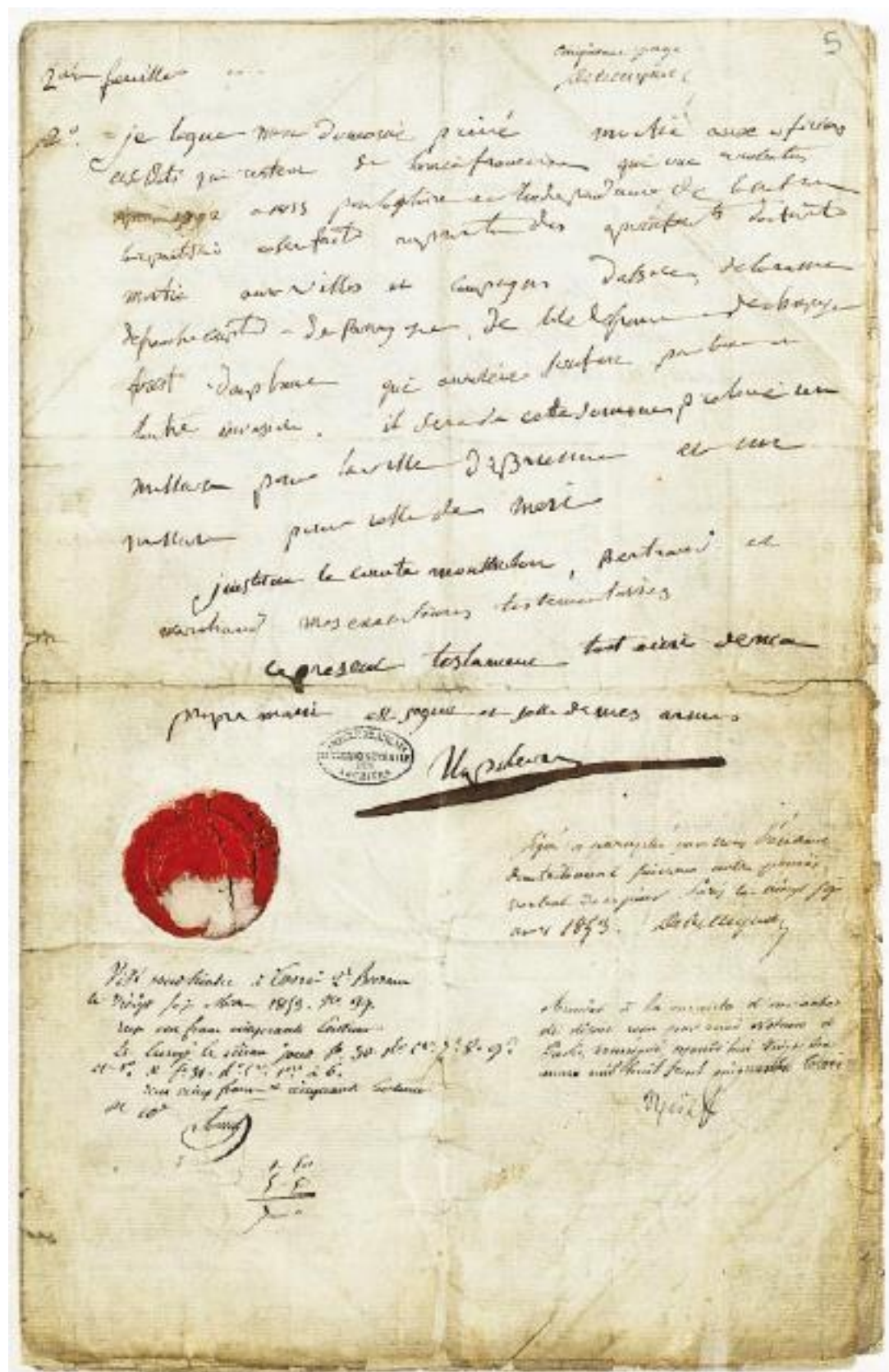
Долго смотрел я на свою, увы, дрожащую руку: переплетение морицин – таинственная карта.

Однако к делу. С острова Святой Елены вернулся мой сын... Нехороша фраза. Нет в ней силы, как любил говорить император. Он умел чеканить строку. Его обращения к армии... «красноречие победы»...

Король¹ послал целую делегацию выполнить последнюю волю императора – привезти его тело в Париж. Я не поехал: мне восемьдесят лет, и я вижу все хуже и хуже. Книги, труд с пером убили мое зрение.

А на остров за гробом отправилась знакомая (но – увы! – прополотая временем) компания – те, кто разделял вместе со мной изгнание императора.

¹ Луи Филипп.

Завещание Наполеона

*Поехали:
Мой сын.*

Гофмейстер двора императора граф Бертран. (Теперь ему под семьдесят. Его белокурая жена Фанни умерла, он поехал с сыном.)

Камердинер императора Луи Мариан. (Я помню его юношей, а нынче он – почтенный буржуа.)

Слуги императора Сен-Дени и Новерра – повар и конюх.

Генерал Гурго. Этот несносный человек сохранил свой отвратительный характер и в долгом плавании сумел перессориться со всеми.

Не поехали:

Я.

Граф Монтолон. Говорят, что за какие-то девять лет он промотал полтора миллиона франков. Буквально за несколько месяцев до поездки он поступил на службу к племяннику императора². Монтолон умудрился возглавить экспедицию, которая должна была свергнуть короля и возвести на трон Луи Наполеона. Эти идиоты решили повторить подвиг покойного императора. Но великий побег с острова Эльба превратился в жалкую комедию. В их заговоре, конечно же, участвовали агенты короля, и когда простаки высадились в Булони, их уже ждали. Графа Монтолона осудили на двадцать лет.

Никола Морин. Открытие гроба Наполеона. 15 октября 1840 г. 1840

Врачи, лечившие императора, О'Мира и Антомарки. Оба этих лекаря весьма поспешно последовали на тот свет за знаменитым пациентом. Мне хочется написать – слишком поспешно...

На острове императора похоронили, как он того желал – подле родника с чистой водой, текущего мимо двух ив, на небольшой полянке, заросшей цветами. Место называлось «Долина герани».

² Луи Наполеон, ставший после смерти Римского короля (сына Наполеона) наследником династии Бонапартов.

Хорошо помню, как он впервые увидел это место с вершины оврага. И, усмехнувшись, сказал мне: «Здесь меня следует похоронить». Это случилось месяца через три после нашего приезда. Он тогда был отменно здоров, в расцвете сил – ведь ему не было и пятидесяти... Так что я только улыбнулся.

*Феликс Фелиппото. Возвращение праха Наполеона I с острова Святой Елены.
14 декабря 1840 года. 1867*

Но там его и похоронили. Там он и лежал почти двадцать лет и ждал, пока за ним приедут из Парижа. Ждал под безымянной плитой, которую охраняли английские солдаты.

Я не видел ни похорон, ни могилы. Император умер после того, как меня увезли с острова.

Сын рассказывал мне: когда подняли безымянную плиту, под нею оказались еще несколько тяжелых плит (две были отлиты из металла). Император покоился в четырех гробах, заключенных друг в друга. Так англичане стерегли его после смерти...

Наконец открыли последний гроб. В истлевшей одежде, покрытый истлевшим синим плащом с серебряным шитьем (в нем он был при Маренго), император лежал совершенно... живой. Он был таинственно не тронут тлением!

И Бертран воскликнул:

– Как он помолодел... юноша!

– Просто мы стали стариками, – ответил Мариан, – а император все такой же.

– Нет, – шептал Бертран, – он отчего-то не подвергся тлению. А ведь его не бальзамировали...

– Он всегда побеждал, – сказал Мариан. – Победил и тление. Фраза слишком патетичная для бывшего камердинера. Я услышал в ней голос императора.

После чего Мариан вынул бумагу и прочел несложные и странные строки:

– Император завещал передать вам: он всегда знал, что вернется в свой город, и Париж еще услышит знакомое: «Да здравствует император!»

Мой сын сказал, что все это было написано... рукой самого императора! И тогда вся компания прокричала над открытым гробом:

– Да здравствует император!

Теперь я уверен: Мариан всё знал. И император знал, что не подвергнется тлению...

Я пошел встречать его гроб, когда он прибыл во Францию, хотя сын отговаривал – декабрь, ледяной ветер... Я стоял в толпе. И в меркнущем свете (мои глаза!) неясно видел, как гроб, покрытый черным покрывалом, плыл в воздухе, качался на фоне парусов.

Император вернулся.

Я сильно простудился. Встану ли?..

Открываю записную книжку и в который раз перечитываю старые записи.

Его тайна...

25 ноября 1816 года я в последний раз видел императора.

Посмертная маска Наполеона

В ту ночь, вопреки обыкновению, он отпустил меня рано. Я тотчас уснул, но посреди ночи проснулся от ужасающего грохота. Выбили дверь. Ворвались. Зажгли свечи... Солдаты побросали мои вещи в сундуки.

Как я боялся вмешательства императора! У его постели всегда стояло заряженное ружье. Но из спальни не донеслось ни звука. Неужели он не проснулся? Какое счастье!

Меня вывели в ночь. И в окне я увидел... лицо императора! Освещенный свечой – ее держал Маршан – император совершенно спокойно смотрел, как меня уводили.

Только теперь я понимаю: он этого хотел. Ведь вместе со мной на волю уходило все, что он рассказал мне...

Через час я сидел в маленькой камере. Утром пришел губернатор. Говорят, доктор О'Мира рассказал ему о слабом здоровье моего сына – просил не высылать меня. Губернатор ответил: «Что значит для большой политики смерть одного ребенка!»

Эдуар Пингре. Портрет генерала де Монтолона. XIX век

Губернатор проследовал в камеру. Потрясая моим (перехваченным) письмом, он кричал, что предупреждал меня не писать клевету на него и английскую корону, прославляя преступника – «генерала Бонапарта» (так он называл императора). Я тотчас предупредил, что хотя сейчас, к его счастью, я безоружен, но – клянусь честью Лас-Казов! – впоследствии отыщу его хоть на дне морском. И он мне ответит – мы будем драться!.. Жалкий трус пытался расхохотаться, но по лицу было видно – испуган.

Потом меня посадили на корабль, идущий до мыса Доброй Надежды. Я заболел тропической лихорадкой, несколько месяцев провалялся в госпитале. Но Господь помог мне. Вопреки приказу губернатора, меня с сыном отправили в Лондон. Мои бумаги были опечатаны и лежали в каюте капитана. В Лондоне их отобрали. Но кое-что я сумел спрятать...

Через много лет я вернул все свои бумаги. И написал книгу, которая стала знаменитой. Я составил ее из записей, которые продиктовал мне император. Величайшие умы нашего времени признают, что во многом благодаря этой книге он вновь стал кумиром просвещенной Европы.

Портрет графа де Лас-Каза.
Гравюра. Сер. XIX века

И вот вчера вернулся на родину и его прах. Но только теперь, вспоминая все, перечитывая заново свои бумаги, я догадался... Я не понимал главного! Все мы – я, его свита, охранники, губернатор и даже сам остров, на который его сослали, – были лишь жалкими марионетками в игре императора. Точнее – в его последнем сражении, которое он выиграл при нашей общей помощи.

Да, я часто перечитываю его слова... И все, что произошло, представляется мне совсем в ином свете.

И его смерть – тоже.

О себе. Я – Эмманюэль Огюст Дьедонне Мариус Жозеф маркиз де Лас-Каз. Еще в XI веке мой предок прославился в сражениях с маврами. Я появился на Божий свет в родовом замке Лас-Казов в департаменте Верхняя Гаронна.

*Жан-Батист Мозес. Портрет
Луи-Жозефа Мариана. Ок. 1840*

Судьба будто направляла нас друг к другу. Я учился в том же Парижском военном училище, которое четырем годами позже окончил император. Я был морским офицером, когда познакомился на Мартинике с Жозефиной де Богарне (тогда ее звали Мари Жозе-Роз Таше

де ля Пажери). Креолка... она – само желание, маленькая богиня... Потом судьба разбросала нас.

После революции я эмигрировал, был в армии принца Конде, сражавшейся против Республики. И только при императоре получил возможность вернуться во Францию. Тогда я и узнал обо всех событиях бурной жизни моей хорошей знакомой. Оказалось, она переехала в Париж, где вышла замуж за виконта де Богарне, впоследствии генерала революции (и, конечно же, гильотинированного той же революцией). Креолку спасло только падение Робеспьера. Ну а далее, как известно, она стала женой генерала Бонапарта и, наконец, императрицей французов.

Уильям Орчардсон. Наполеон диктует мемуары Лас-Казу. 1892

Благодаря Жозефине (во-вторых) и собственным достоинствам (надеюсь, во-первых), я сделал карьеру в империи: получил графский титул, пост камергера и успешно исполнил ряд секретных дипломатических поручений. Но главное – стал автором «Исторического и географического Атласа», весьма популярного в Европе.

В окружении императора я появился после его возвращения с Эльбы, во время великих Ста дней, «когда орел вновь распростер крылья над Францией» (его фраза). Но только после Ватерлоо, в дни отречения, я оказался рядом с императором. И вместе с ним отправился на Святую Елену.

Я пробыл там почти год, и все это время непрерывно вел записи под диктовку императора. Порой мы работали по шестнадцать часов в сутки... пока не наступил тот самый день – 25 ноября 1816 года.

Лицо императора, освещенное свечой в окне... оно исчезает в ночи. Скоро, скоро оно исчезнет вместе со мной.

Обычный вечер

Первый раз догадка о его тайне мелькнула уже на острове. В тот вечер мы ужинали как всегда в восемь. И вначале все шло как заведено. Это был самый обычный вечер. Я описал его тогда же в своих записях.

Перед ужином он позвал меня в кабинет – маленькую комнатку. В доме их два десятка, в них живет полсотни человек. Слуги ютятся и в чердачных помещениях.

На месте дома когда-то был скотный двор. Целых полстолетия здесь мирно обитали домашние животные. И только недавно его превратили в жилище, настелив доски поверх свиных экскрементов. Сегодня утром прошел дождь и из-под досок особенно несет навозом. Это напоминает о прошлом дома... В другие дни запах менее силен, но постоянен.

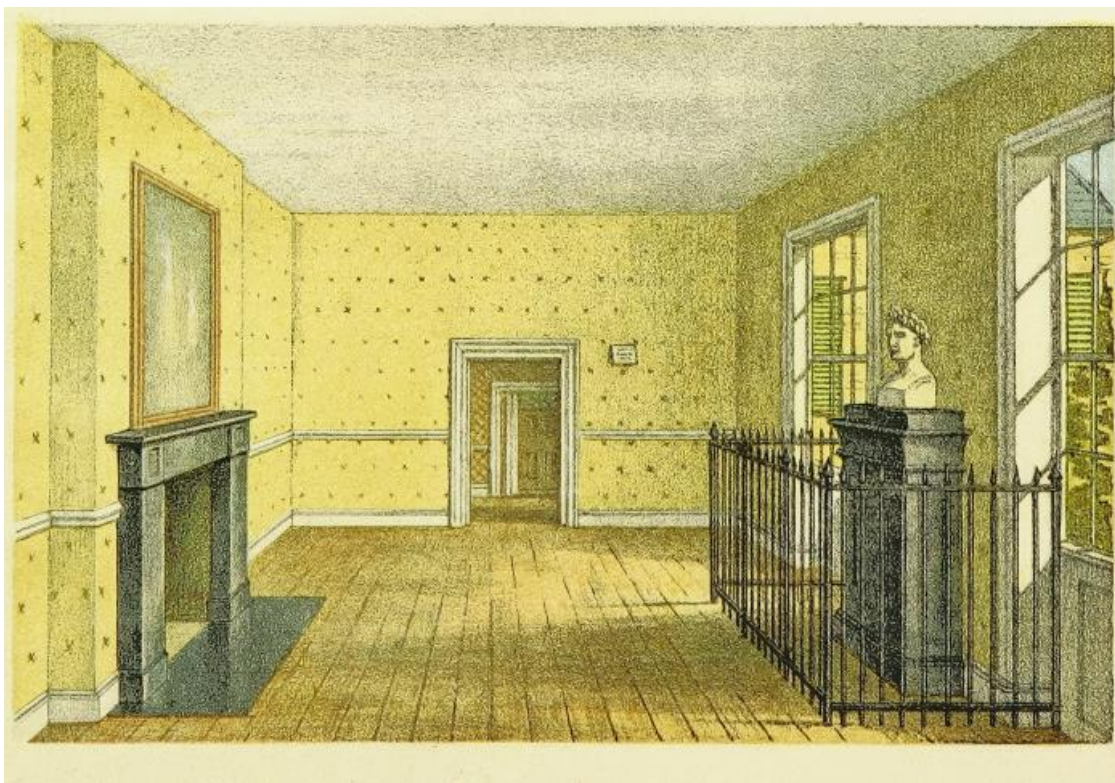
Неизвестный художник. Портрет Наполеона. 1820

На нашей проклятой скале всегда сыро – мы живем среди вечных туч. Когда внизу над долинами сияет солнце, здесь идут дожди. Книги и мои записи постоянно покрываются плесенью.

Но он, император-солдат, живший в палатке на бивуаках, не снимавший во время маршей по нескольку дней сапог, будто не замечает ничтожества своего нынешнего жилища... Нет, не так: замечает, но не страдает.

Страдаем мы.

Император занимает две комнатухи по двенадцать метров с низенькими потолками. Здесь его кабинет и спальня.

Комната, в которой умер Наполеон. Гравюра. Сер. XIX века

В кабинете на жалких обоях – портреты Марии-Луизы, Жозефины и сына в столь нелепых здесь великолепных рамах из Тюильри. И огромный стол, занимающий почти всю комнату.

– Садитесь, – сказал мне милостиво император. – Сегодня после ужина я хочу прочесть в салоне вольтеровскую «Заиру».

Обычно после ужина он развлекает нас чтением своих любимых произведений. Но (тоже как обычно) пьеса куда-то запропастилась. Вещи как-то умудряются теряться в этой крохотной комнатушке!

Император беспомощно ищет пьесу на столе, на стульях, даже на полу, подслеповато роется в бесконечных бумагах. Приподнимает карты собственных походов и походов Цезаря. Ворошит кипу страниц, записанных мною под его диктовку...

И тут я впервые замечаю: буквально в последние дни император начал стремительно (и загадочно) дряхлеть...

Пьеса нашлась на столе.

На том же столе вскроют его мертвое тело.

Она торчала из-под треуголки, которую император всегда почему-то кладет на стол поверх карт. И когда он, торжествуя, приподнял свою знаменитую, оставшуюся на тысячах картин треуголку, из-под нее выскочила огромная крыса. В доме множество крыс, и они особенно полюбили треуголку императора.

Крыса плюхнулась на пол, и я с отвращением смотрел, как эта жирная тварь неторопливо уползала в дыру между досками. Император рассмеялся. Крысы его не смущают – они напоминают о походах, о времени славы...

Пьер Балатон. Франсуа Савалон. Миниатюрные портреты Наполеона и Жозефины. Ок. 1807

Часы пробили восемь. Киприани (слуга, он же – уши императора) в черных панталонах и темно-зеленом мундире с золотым шитьем торжественно застыл у двери с бронзовым канделябром в руке.

С последним ударом часов он объявляет:

– Ужин Его Величества подан!

Император предлагает руку даме. Как обычно, это Альбина Монтолон, жена графа Монтолона. Другая дама – Фанни Бертран, жена гофмейстера – не пришла, лежит дома с мигренью. Так она объявила. На самом деле она попросту не любит наши «сборища».

Вильям Бурго. Портрет Альбины де Монтолон. Сер. XIX века

Император и Альбина первыми входят в еще одну комнатку, именуемую «столовой Его Величества». За ними следуем мы, три графа: Монтолон, Бертран и я, Лас-Каз. И чуть сзади – один барон, генерал Гурго.

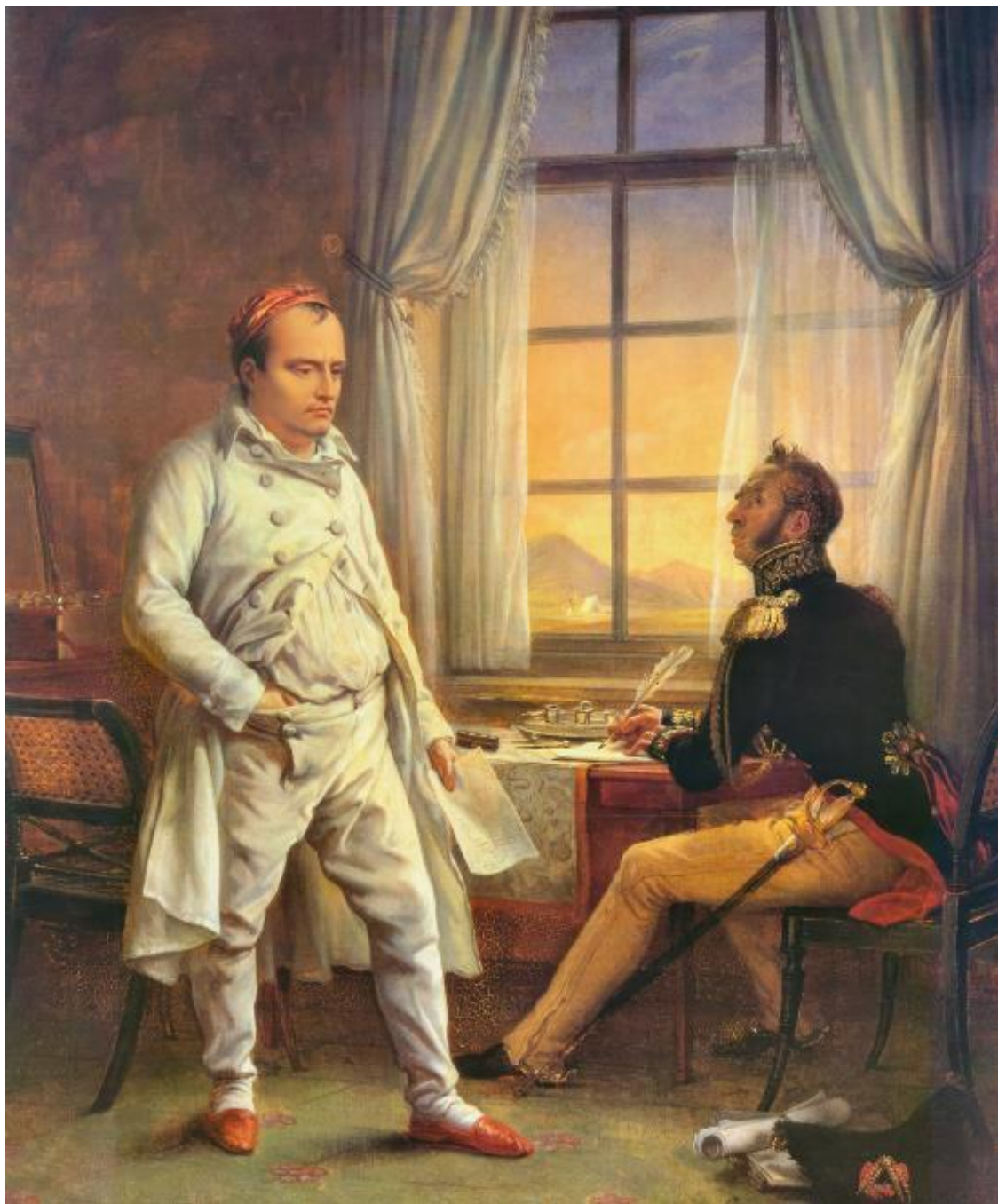
Генерал, как обычно, зол и старается затеять ссору. Я слышу, как он шепчет Монтолону: «Если ваша жена – шлюха и спит с императором, это еще не повод садиться на почетное место». (Почетные места – стулья рядом с императором.) Мне Гурго уже успел поведать, что не может видеть, как жадно я ем, «это неестественно при таком тщедушном теле». Садясь, он поспешил сказать неприятное и гофмейстеру: «Все же лучше иметь жену-шлюху, как у Монтолона, чем худую белобрысую селедку с вечной мигренью». И уже за едой он сообщает нам троим свистящим шепотом, что мы можем его «вызвать», если сочтем нужным.

Мы давно привыкли к генералу. И гофмейстер остается невозмутим, и Монтолон делает вид, что не расслышал. Только я не выдерживаю и шепчу в ответ что-то злое.

Император ужинает в мундире гвардейских егерей.

В нем его и похоронят.

Все мы сидим перед тарелками севрского фарфора, украшенными сценами его победоносных сражений. И с тоской глядим на пьесу, которую император торжественно положил рядом с собой. Понимаем, что чтения (император читает ужасающе, усыпительно-монотонно) не избежать.

Карл Штейбен. Наполеон на острове Святой Елены диктует генералу Гурго свою биографию. XIX век

Покончив с едой, переходим в «салон» – еще одну столь же восхитительную комнатку, пахнущую навозом. И, как обычно, Альбина Монтолон поет любимые арии императора.

Потом играем в карты. Император рассеянно глядит куда-то поверх голов и равнодушно проигрывает несколько золотых наполеондоров.

Потом, опять же как обычно, он заговорил о литературе. Заговорил со мной – остальным эта тема скучна.

На сей раз император хвалит Шатобриана. И себя – за то, что не отправил Шатобриана в тюрьму.

*Даниэль Сэн. Портрет императрицы Жозефины.
Миниатюра. 1808*

Он глядит на меня, и я понимаю – этот разговор нужно записать.

– Я несколько раз должен был посадить его в Венсеннский замок! Сначала Шатобриан написал в своей газете... – Император с удовольствием цитирует по памяти: – «Что с того, что Нерон процветает, где-то в империи уже рожден Тацит». Нерон, как всем должно было быть понятно, – я. А Тацит, конечно же... Не обращать внимания на газеты – это то же, что заснуть

на краю пропасти. И я позвал к себе Шатобриана. Лесть – отличное средство, чтобы держать в узде господ литераторов... Я сказал Шатобриану:

«Как странно – маленькая литература всегда за меня, а великая почему-то против». Он молчал, хотя по лицу было видно – доволен! Тем временем у него сделали тайный обыск и нашли некую рукопись о смерти Бомарше, где были какие-то глупости обо мне, о бегстве короля... – Император, усмехнувшись, посмотрел на меня. – Это можно не записывать. Потом мне передали речь Шатобриана, которую он собирался произнести при вступлении в Академию. Когда я прочел ее, я был краток: «Ему повезло. Будь она произнесена, этого господина непременно пришлось бы отправить в каменный мешок». Но, ценя поэта, я сам занялся правкой его речи. И, конечно же, он отказался ее исправить. И, конечно же, я его не тронул – но отправил в ссылку... Но воздадим ему должное: он много сделал для торжества любимых им Бурбонов. И он воистину великий человек...

Я понял – это надо записывать. Император кивнул. И, вздохнув, прибавил, что вообще-то Шатобриана он не любил, и что поэт в своих памфлетах против него часто опускался до клеветы.

Жан Батист Изабе. Портрет Марии-Луизы. Ок. 1815

Это записывать было не нужно.

– Но за одну фразу Шатобриана о Фуше и Талейране, – продолжал император, – я все готов ему простить. Когда жалкий король вернулся в Париж, перед его покоями появились мсье Талейран и мсье Фуше. И Шатобриан заметил: «Вот идет Порок об руку со Злодеянием!»

Это необходимо было записать. Император вновь одобрительно кивнул и пояснил:

– У Шатобриана лучшее перо во Франции. Прочтя наши слова о себе, он не преминет написать и о нас что-то стоящее.

Император, как всегда, думал об Истории.

«Он вернул Богу самую могучую душу, когда-либо вдохнувшую жизнь в глину, из которой лепится человек», – написал Шатобриан после смерти императора.

Император и здесь не ошибся.

Он заговорил о Цезаре, попросил Гурго принести карту. И по карте дал несколько ценных советов галлам, как им было лучше выстроить оборону против Цезаря две тысячи лет назад. Жаль, что галлы не могли этого услышать...

Потом он сказал:

– А теперь, господа, идемте в театр. Сие означало: он будет читать пьесу.

Император читал «Заиру» усыпительным голосом и снова давал советы. На сей раз Вольтеру – как ему было лучше написать последнее действие. Жаль, что и Вольтер в своей могиле не мог этого слышать...

Он кивнул мне, и я записал его советы Вольтеру.

Потом он сравнил «Заиру» с «Тартюфом» и заговорил о Мольере:

– Мир – это воистину великая комедия, где на одного Мольера приходится с десятков Тартюфов. – Он скосил глаза, удостоверился, что я записываю, и прибавил: – Но я не поколебался бы запретить постановку этой великой пьесы: там есть несколько сцен, оскорбляющих нравственность.

Это записывать явно не стоило. Я отложил перо.

Император кивнул.

Все, кроме меня, после сытного обеда борются с дремотой. Но «салон» нельзя покидать, пока император не скажет обычное: «Который час, господа? Ба! Однако пора спать!»

Сегодня император особенно милостив. К восторгу присутствующих, он глядит на часы Фридриха Великого, стоящие на камине, и говорит:

– Ба! Однако... Он встает.

– Пора спать!

Перед сном камердинер Маршан позвал меня в спальню императора.

Потертый ковер на полу, муслиновые занавески на окнах, грубые деревянные стулья и походная кровать с зеленым пологом из его палатки под Аустерлицем. Перед кроватью китайская ширма. На камине серебряная лампа и серебряный таз для умывания. Остатки империи.

В спальне я застал скандального генерала. Император говорил ему, снимая мундир:

– Послушайте, Гурго, вы несносны. Вы действительно спасли мне жизнь в России, вы храбрый солдат и хороший штабной офицер, с вами интересно обсуждать походы Цезаря, но... вы несносны!

– Вы окружены льстецами, только их и цените. А этот Лас-Каз, с которым вы неразлучны и позволяете ему записывать за вами... он первый вас и предаст, – сказал Гурго, глядя прямо на меня.

Я собирался ответить наглему, но император предостерегающе поднял руку:

– Это не так, и вы это сами знаете. Но если бы и так... Я люблю полезных мне людей и люблю в той мере, в какой они полезны. Мне нет дела до того, что они думают. Если они впоследствии предадут меня... что ж, они сделают то же, что и многие другие. Род человеческий должен состоять из очень больших негодяев, чтобы оправдать мое мнение о нем.

Он засмеялся. Гурго угрюмо молчал.

– Простите его, Лас-Каз. Он нервен, ибо молод... и ему, видимо, попросту нужна женщина. Но это не повод беситься и бесить нас всех. В конце концов, Гурго, спуститесь вниз, в городок, и уладьте это обстоятельство. Или поступайте, как я – не думайте о женщинах. Если о них не думаешь, они не нужны. Берите пример с меня.

Тут Гурго не выдержал. Его понесло:

– Брать пример с вас, Сир? Вчера я застал Альбину в вашей комнате полуодетой. А до этого я видел... она сидела около вас в ванной!

Император усмехнулся:

– Ну хорошо, даже если я сплю с нею... а это отнюдь не так... что тут обидного для вас?

– Нет, в это я не верю, – съязвил генерал, – не могу даже предположить, что у Вашего Величества такой дурной вкус!

Император посмотрел на него. У него бывает страшный взгляд: в нем нет ни злости, ни угрозы – просто бездна. И ты содрогаясь...

– Простите меня, Ваше Величество, – прошептал Гурго.

В июле 1816-го Альбина родила девочку и назвала ее Наполеона. И покинула остров.

Подавленный Гурго ждал разрешения удалиться. Император долго молчал, потом заговорил:

– Потерпите немного. Когда я умру, вам всем достанется приличное состояние – я об этом позаботился. Но сейчас, в этом аду, мне хочется видеть вокруг себя только веселые лица. И если вы не можете... лучше уезжайте. Я вас отпущу.

И когда окончательно уничтоженный Гурго уходил, император вдруг сказал:

– Неужели вы думаете, что я не переживаю самые горькие минуты, когда просыпаюсь ночью и вспоминаю... Но я же терплю!

Гурго заплакал.

Впрочем, придя в свою комнату (ему определили самую убогую, ибо он приехал один – я был с сыном, Бертран и Монтолон с женами), Гурго не простил себе слез. И мстительно записал в дневнике «Жалкий Монтолон, какую роль он играет! И этот противный уродец Лас-Каз, который столько о себе думает!»

Поразмыслив, он внес в дневник и последние слова императора. А потом на протяжении недели каждый день писал одно и то же:

«Скука... Скука... Великая скука!»

Незадолго перед моим отъездом Гурго со злобной улыбкой показал мне эти записи.

Мы с императором одни. Второй час ночи. Император расхаживает по спальне, и очередная крыса ринулась от него в дыру между досками.

Он посмотрел на знаменитую кровать, на которой спал в дни Аустерлица. Кровать была расстелена, и ширма, прикрывавшая ее, отодвинута.

И вдруг император сказал:

– А ведь я на ней умру...

– Да что вы такое говорите, Ваше Величество, – запротестовал я, подумав: «Вот уж непохоже...» И посмотрел на него внимательно, чтобы ничего не пропустить, когда буду описывать его в моих записях.

Короткие ноги, крупная плоская голова, каштановые волосы, сильные плечи, толстая шея. Квадратный подбородок тяжеловат и несколько нарушает классичность профиля. У него красивый нос, лоб без единой морщины, великолепные зубы (которым завидовала Жозефина)

и холеные руки. Полная (даже несколько женская) грудь с редкими волосами едва прикрыта халатом. Когда я впервые увидел его в ванне (он обожает там сидеть), я поразился – какой маленький член у императора... как у мальчика...

Таков облик человека, потрясшего воображение мира.

«Целых полтора десятка лет в Европе жил лишь один человек – все остальные стремились наполнить свои легкие воздухом, которым дышал он», – напишет все тот же Шатобриан. После падения императора по Европе прокатилась волна самоубийств молодых людей – мир для многих потерял былую притягательность.

– Вы правы, Лас-Каз, сейчас я здоров. – Император, как всегда, читал мысли. Для тех, кто был с ним рядом, это давно перестало быть удивительным, сделалось даже привычным. – Мое сердце делает шестьдесят два удара в минуту, я его попросту не чувствую. Природа наградила меня двумя способностями для истинного долголетия: спать в любое время суток и не излишествовать в еде и питье. Вода, воздух и чистота – главные лекарства в моей аптеке. У меня железное здоровье хорошего солдата. И все-таки... все-таки я скоро умру. И не надо тратить время на пустые возражения. Я уже говорил вам, что у меня есть некое внутреннее чувство... я всегда – слышите: *всегда!* – знаю, что меня ожидает. За семь дней до моего рождения на небе появилась комета. И поверьте, скоро она появится вновь – уже над этим островом. Кометы возвещают о рождении и смерти великих властителей... И еще: однажды ко дню рождения мне прислали забавный подарок. В Парижском военном училище разыскали мою юношескую тетрадь – записи по географии, знаменитый курс аббата Лакруа. И последняя запись в этой тетради была... вы уже догадались?

Он посмотрел на меня, застывшего с пером, и улыбнулся:

– «Святая Елена, маленький остров». И всё! Далее записи почему-то обрывались, хотя в тетради оставались пустые страницы, много пустых страниц. А ведь я тогда был беден и экономен... Я тотчас вспомнил об этом на корабле, когда эти негодяи объявили мне место изгнания. И понял – это моя последняя гавань... конец... Так и запишите: «Со мной никогда не случилось того, чего бы я не предвидел». Наши милые глупцы так и не поняли, почему сегодня я читал им «Заиру».

И он продекламировал из вольтеровской пьесы:

– «Но увидеть Париж мне не достанет силы. Ужель не видите – я на краю могилы!»

Так что я не удивился, когда узнал от Маршана, что в первых числах февраля 1821 года (за три месяца до смерти императора) над Святой Еленой появилась... да, комета!

Маршан рассказывал: «Комета! – воскликнул император с какой-то странной радостью. – Я ждал ее! Комета возвестила смерть Цезаря и вот – возвещает мою...»

Третий час ночи. Император в вишневых шлепанцах и белом халате расхаживает по комнате. Он думает. Машинально тронул знаменитую треуголку, на этот раз положенную им на камин. Очередная крыса тотчас плюхнулась на пол. Как они полюбили его шляпу! И когда они только успевают туда залезть?

– Надо заделать, – бормочет он, глядя на дыру в полу.

В этой треуголке его похоронят.

Потом он сказал:

– Какой роман вся моя жизнь! – И добавил торжественно: – С сегодняшнего дня мы будем писать материалы к моему завещанию. Это непростая работа, к ней надо отнестись серьезно.

Я хочу, чтобы после меня не осталось никаких долгов. Я должен отблагодарить по заслугам моих друзей. И врагов – тоже.

И тотчас начал диктовать, продолжая ходить по комнате:

– «Я оставляю в наследство всем царствующим домам **ужас и позор последних дней моей жизни!**» Вот начало моего завещания!..

Я хотел спать, я умирал... моя голова упала... Он засмеялся:

– Меневиль³ обычно падал именно в это время. Стоило мне задуматься, отвлечься... оборачиваюсь, а он спит. И рядом с ним мирно храпят мои министры.

Он посмотрел на мою голову, опять стукнувшись о стол.

– Ба! Вам пора спать.

Сегодня, повторюсь, он милостив.

Я вернулся к себе. Сон вдруг пропал. Я знал, что и он не ложится – сидит на кровати, а дождь стучит по крыше... Я представлял, как в темноте его душит бешенство.

Чем он занимается? С кем говорит? С этим ничтожеством Гурго, который посмел... Генерал спас его в России. Но и здесь, на острове, он, оказывается, тоже его спас. Киприани донес: Гурго рассказывал в городском кабаке, что недавно второй раз спас императора... когда на него напал бык! Вот правда о его сегодняшней жизни, о ее опасностях, героях! О жалких людях, делящих с ним изгнание!..

Бедный Маршан ждет, не гасит свечу. Его мать служила нянькой Римскому королю, и сам он с юности прислуживает императору. Маршан знает: пока император не спит, свечу гасить нельзя...

Наконец в тишине ночи сквозь тонкие перегородки я слышу звук – император лег, точнее – грузно, ничком упал на кровать. И наверняка, как обычно, в то же мгновение заснул.

И Маршан, услышав знакомое ровное дыхание, торопливо загасил свечу и ушел в свою каморку.

Короткий сон овладевает императором. Раньше он спал по три часа – и этого ему хватало. Теперь порой хватает получаса перед рассветом.

В ту ночь, уже засыпая, я вдруг снова явственно услышал его слова: «Я оставляю в наследство всем царствующим домам ужас и позор последних дней моей жизни!»

На следующее утро – все как обычно. Солнце только поднялось, но я уже слышу голос императора. Он ждет, когда караульные уйдут с постов у нашего дома. Он не желает появляться в присутствии неприятеля. Он запрещает себе быть пленником.

Но солдаты не могут уйти, пока его лицо не покажется в окне. Император это отлично знает. И начинается молчаливая игра: он смотрит в окно, будто хочет удостовериться, ушли ли караульные, а в это время их командир может разглядеть в окне лицо императора. Теперь он имеет право передать губернатору – пленник не сбежал.

«Корсиканское чудовище» (так называли его в Англии, так именует его губернатор) на острове, все в порядке.

Губернатор Гудсон Лоу – средних лет, и все в нем среднее. Никакое лицо – одно из тысяч английских лиц: узкое, с узким носом, не отражающее ни пороков, ни страстей. Маленький человек, счастливый правом распоряжаться вчерашним повелителем королей. И мучить его.

Но и сам губернатор – тоже мученик. Призрак Эльбы преследует его. На каждом корабле, прибывающем к острову, ему мерещатся заговорщики, каждый день ждет он бегства императора.

Караул покидает нас. Теперь император может выйти в сад.

Он в белом сюртуке, шлепанцах и в шляпе с широкими полями. Нетерпеливо трясет большим бронзовым колокольчиком:

³ Секретарь императора.

– Маршан, не спи! Выспишься, когда вернешься к себе домой. Все тот же, но уже веселый намек на свою смерть.

Император в отличном настроении, он напевает:

– Мамзель Маршан, поднимайтесь, уже светло, встало солнце! Несчастный, заспанный «мамзель Маршан» выходит из дома, неся серебряный тазик с водой, зеркало и походный несессер. Император замечает мое лицо в окне и говорит (уже для моих записей):

– Все стоящие правители вставали раньше своих слуг. И Фридриху Великому, и русской императрице Екатерине приходилось их будить.

Он садится на скамью. Выходят полусонные слуги. Один берет зеркало, другой растирает его жирную безволосую грудь полотенцем.

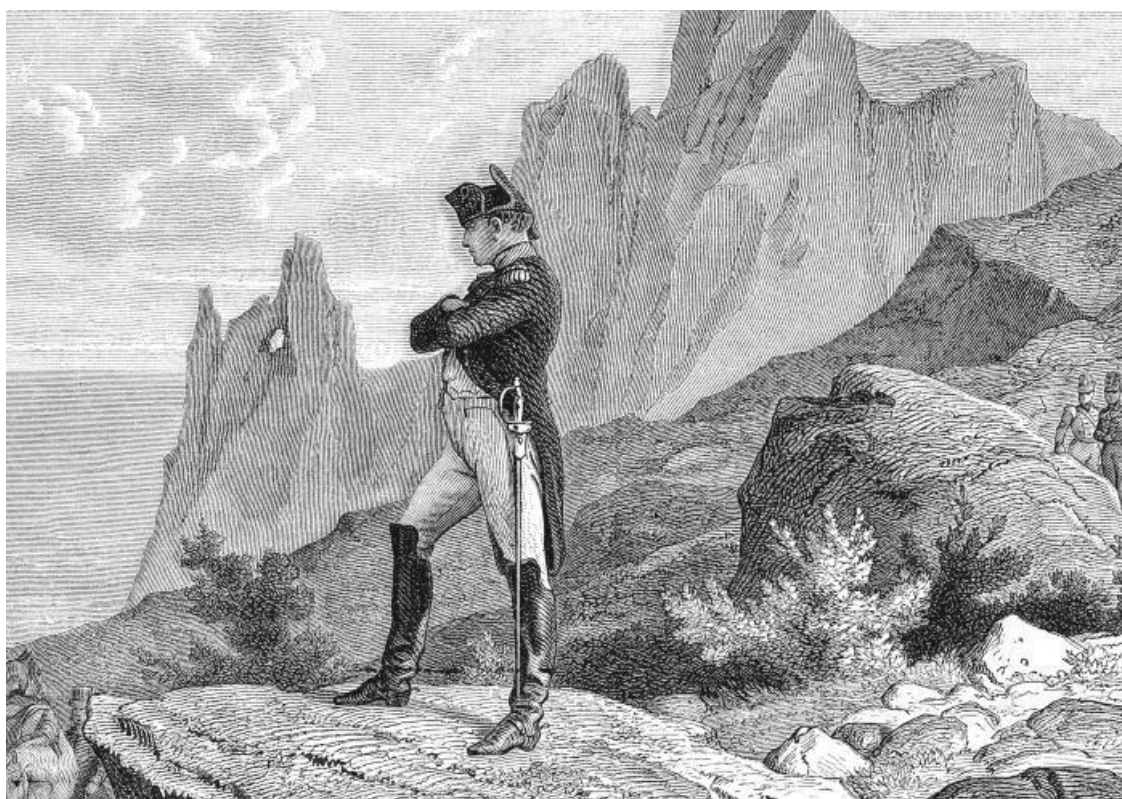
Император бреется сам. И говорит – опять же для моих записей:

– Убийцы начали охотиться за мной, как только я стал Первым консулом. С тех пор я предпочитаю сам держать бритву.

Он бросает взгляд на наш жалкий сад.

– Цветник Жозефины в Мальмезоне был больше... Это тоже для моих записей.

От порта, от утопающих внизу в райской зелени домиков в наше обиталище, именуемое Лонгвуд, ведет дорога длиной в восемь километров. Несмотря на непрерывные дожди, земля здесь не плодоносит – редкая трава и маленькие деревца, стонущие под порывами вечного ветра.

Наполеон на острове Святой Елены. Гравюра. 1885

Как всегда, император вынимает из кармана маленькую подзорную трубу и осматривает окружающий мир. Плато Лонгвуд окружено горными пиками. На одном из них сейчас видны красные мундиры – это один из сторожевых постов англичан. Там стоит пушка, которая бьет на закате и восходе и оповещает о прибытии кораблей.

– Все сделано грамотно, – говорит император.

Теперь его труба опущена вниз. Внизу виден лагерь и те же красные мундиры.

– Думаю, их сотен пять-шесть, – рассуждает император. – И расположены они так, чтобы видеть друг друга. А на холмах, – его подзорная труба вновь вскинута вверх, – конечно же, дозорные. Видите сигнальные флажки? Они сообщают о том, что я делаю, вниз, на командный пункт. И по всей горе, донизу, концентрическими кругами стоит охрана.

Он засмеялся.

– Когда-то я хотел отобрать у Англии этот остров и намеревался послать сюда десант в полторы тысячи солдат. А они, по моим подсчетам, свезли сюда около трех тысяч... может, даже на сотню-другую поболее. – (Недавно я узнал – три тысячи двести!) – Таким образом, куда бы мы ни отправились, мы будем внутри линии часовых. Четыре бухты острова также охраняются.

Его труба уставилась на море, где были видны два брига, медленно плывущих один навстречу другому.

– Я подсчитал: нас стерегут с моря семь судов: пять постоянно дежурят в порту Джеймстауна, а два, как видите, непрерывно курсируют вдоль берега. Однако их просчет в том, что вся охрана вполне удовлетворена визуальным наблюдением за моей персоной. Пока они меня видят, они спокойны. Но есть ночь, когда я имею право быть невидимым. И тогда их главный страж – океан – легко может стать их врагом. Если ночью у берегов острова появятся несколько кораблей... хватило бы четырех.

Он снова засмеялся.

– Не записывайте этого, Лас-Каз. Клянусь, у меня нет никакого намерения бежать. – И добавил: – Поверьте, я здесь совсем не за этим...

Он работает (но немного) с лопатой в саду. Потом переодевается. Выходит в зеленом мундире с бархатным воротом, со звездой Почетного легиона, в легендарной треуголке.

Граф Монтолон подводит ему коня. Как обычно по утрам – прогулка верхом. Меня император не приглашает – считает, что я дурной наездник.

Я смотрю, как исчезает кавалькада всадников: граф Бертран, генерал Гурго и граф Монтолон. Сейчас они остановятся у какого-нибудь поместья и попросят приюта в саду от поднимающегося солнца... Император любит поражать обывателей. Что ж, они на всю жизнь запомнят его приезд и знаменитую треуголку.

Вернувшись, он принимает ванну. Его ванна – небольшой чан, куда он с трудом помещается. В ванне император читает книги.

Перед обедом приходит врач-англичанин. Император обнажил жирный торс, и англичанин приник ухом к его сердцу. Не обращая внимания на призывы врача хоть немного помолчать, император привычно делится неосуществленными планами поругания Англии:

– Я должен был переправить через пролив двухсоттысячную армию. На четвертый день я вошел бы в Лондон и обратился с прокламацией к гражданам: «Мы пришли как друзья, чтобы освободить британскую нацию от коррумпированной, развращенной аристократии». Я провозгласил бы республику, упразднил дворянство и палату лордов, с которыми Англия вскоре сгниет. Очень сожалею, что отказался от этого плана!

– Я уверен, что лондонцы сожгли бы свой город, но не сдали бы его врагу, – возражает англичанин.

– Нет-нет, вы слишком богаты и любите деньги, чтобы портить свое имущество. Так смогли поступить русские – у них нет имущества, все принадлежит их царю... Я привез бы в Англию великие идеи нашей революции. Отныне ничто не способно уничтожить или стереть ее великие принципы...

Помолчав, он обратился ко мне:

– Моя миссия во Франции – смыть кровавые пятна террора революции потоками славы. Я уничтожил анархию, упорядочил хаос. Люди, упрекающие меня за то, что я не дал достаточно свобод моему народу, забывают, что в тысяча восемьсот четвертом году лишь четверо из сотни французов умели читать. Всю ту меру свободы, которую я мог дать этим смышленным, но невежественным и развращенным революционной анархией массам, я дал.

Я торопливо записываю. Император весь во власти собственного монолога. Доктор печально просит своего пациента одеться. Император не слышит и продолжает дразнить его:

– Нет, очень жаль, что я не сделал всего этого с Англией. Теперь вашей стране предстоит сгнить на манер Венеции.

Наконец он одевается.

В 11 часов обед – куриный бульон (император считает его лекарством), два мясных и одно овощное блюдо. И два бокала разбавленного водой вина «Шамбертен».

После полудня на нем опять знаменитый сюртук со звездами Почетного легиона и Железной короны. Император принимает посетителей.

Англичане постановили: императору зваться «генералом Бонапартом». И даже придумали ему официальный статус – «генерал без поручений». Это вызывает его постоянный гнев.

– Я не позволю навязать мне этот титул! Не потому что мне так уж важно, как они меня именуют... я всегда презирал жалких болванов, именовавшихся европейскими королями. Я обожал заявлять в их присутствии: «Когда я был лейтенантом во Втором полку в Валансе...» – и наблюдал, как вытягивались их рожи. Для меня трон всегда был куском дерева, обтянутым бархатом. Но я единственный монарх в Европе, получивший титул не от жалкой кучки епископов, а от всего французского народа. Я – император именем революции и не позволю в моем лице унижить эту великую даму. Я носил не только корону Франции, но и древнейшую корону Италии и позаботился, чтобы религия освятила мой титул – сам Папа благословил мое вступление на трон. Я думаю не о себе – о моем сыне, о будущем... Династия, в которой воплотилась сама революция, должна вернуться!

Он задумался и медленно произнес:

– И я сделал все, чтобы **помочь ей вернуться как можно быстрее...**

Да, он сделал все. Но понял я это только теперь.

Он болезненно заботится о том, чтобы его приближенные (три десятка человек) помнили: они по-прежнему свита императора. И все мы обращаемся к нему – «Сир». И посетители письменно просят аудиенцию. Их встречаем мы – три графа и барон – и проводим к императору. В дверях ждет Киприани, который торжественно объявляет имя посетителя.

*Карл Штейбен. Наполеон на острове Святой Елены диктует генералу Гурго свою биографию.
Фрагмент. XIX век*

Франческо Киприани – особая личность, отнюдь не простой слуга. Он знает императора с малых лет, служил его семье. Они говорят друг с другом только по-корсикански. Это его император посылал с острова Эльба налаживать связи и собирать информацию во Францию. Киприани – шпион и верный пес императора.

Посетители императора, как правило, – английские чиновники, закончившие службу и уезжающие в Лондон. Они понимают, что удостоены исторической беседы. Император, как всегда, очаровывает. И визитеры повезут в Англию то, что нужно: рассказ о жестоком губернаторе и великом узнике – о Прометее, прикованном к скале.

Император улыбается...

Вечером нас навестил губернатор. Не в силах скрыть радости, он зачитал бумагу о том, что император и мы, его свита, проели слишком много денег. Отныне наш бюджет будет сокращен.

О, как этого ждал император! Тут же последовал его яростный крик, от которого еще несколько лет назад дрожали в ужасе монархи Европы:

– Как вы смеете говорить со мной о таких мелочах?! Кто вы такой? Я знаю имена всех ваших генералов, участвовавших в сражениях, и я готов беседовать с ними. Вы же – ничтожество! Штабной писаришка в войске Блюхера, вы никогда не имели чести командовать настоящими солдатами. А теперь, когда ваша страна обманула меня, бесчестно сослав сюда, вам дали право распоряжаться моей жизнью. Но не сердцем! Запомните: оно такое же гордое, как и в те – не столь давние! – дни, когда вся Европа слушалась моих приказаний, а ваши ничтожные правители умирали от страха, ожидая моего прихода на ваш жалкий островок!

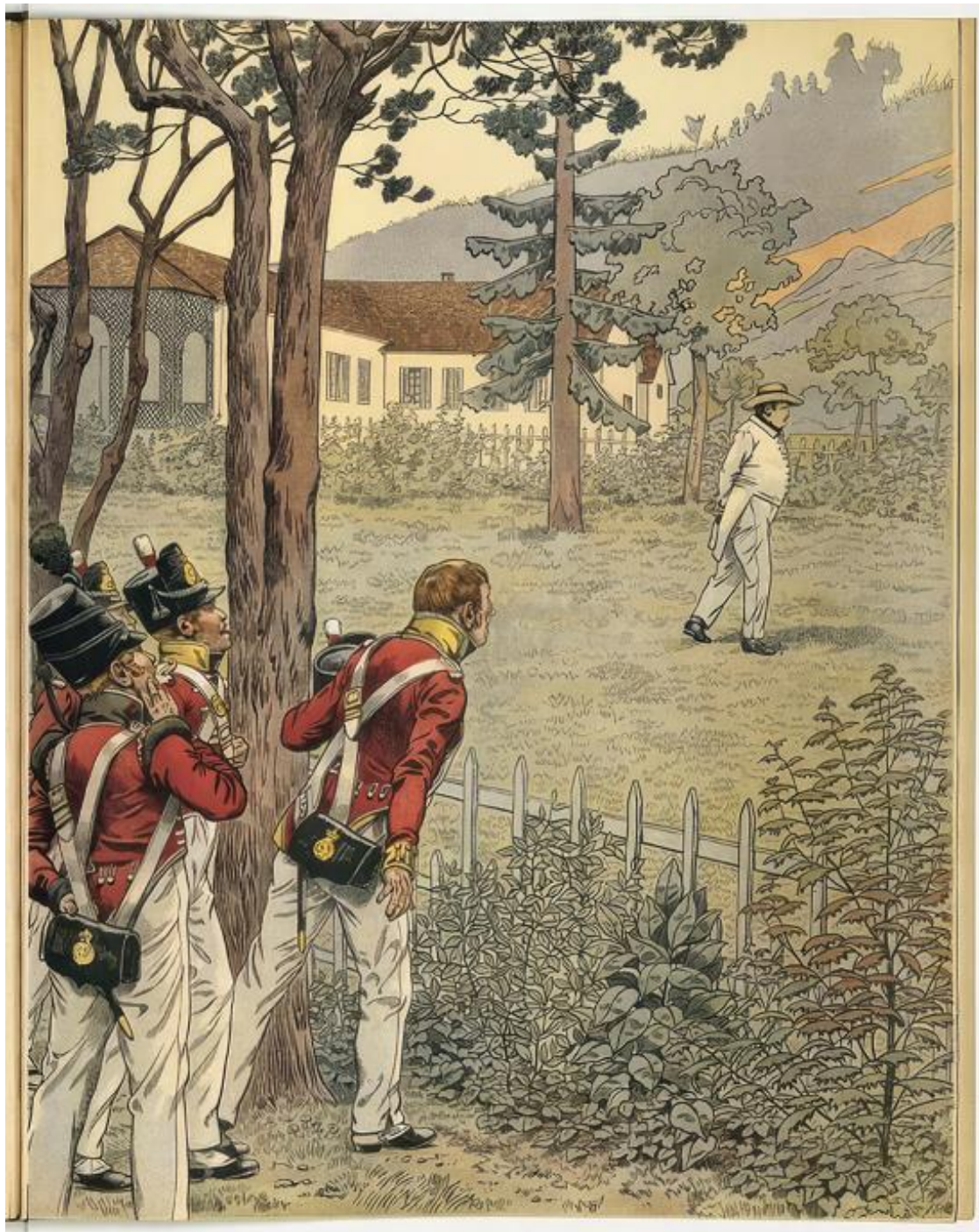
Все это он выпалил залпом, с темпераментом, которому мог бы позавидовать сам великий Тальма. Бешеное лицо императора... Я боялся, что его хватит удар.

Губернатор выбежал из дома, дрожа от гнева, шепча бессильно:

«Я покажу ему!» А император... преспокойно расхохотался. И сказал, глядя на мое изумленное лицо:

– Вы знаете, что говорил обо мне Талейран? «Его ярость никогда не поднимается выше шеи». Точнее, жопы... – Он остановился, подумал. – Нет, напишите все-таки «шеи»...

Мне рассказывали, что во дворец к императору часто приходил знаменитый Тальма – учить его актерскому искусству. Сейчас я вспомнил об этом.

Жак Мари Гастон Онфруа де Бревиль. Наполеон на острове Святой Елены. XIX век

Он привычно прочел мои мысли и добавил (уже для моей тетради):

— Да, часто говорили, что меня учил своему мастерству наш великий трагик. Будто я даже брал регулярные уроки. Какая глупость! Пожалуй, я сам мог бы поучить его. Тальма — живое воплощение нашей «Комеди Франсэз». Я уважаю этот театр и в горящей Москве даже написал для него Устав... Конечно, это тоже был театр: я попросту решил унять дурные слухи, доходившие тогда до Парижа. Ибо если император в столице противника находит время, чтобы заниматься Уставом для актеров, — у него наверняка все в порядке... Но поверьте, я с трудом выносил все эти бесконечные трагические завывания на сцене «Комеди». И после очередного спектакля не выдержал и сказал Тальма: «Приходите ко мне во дворец как-нибудь утром. Вы увидите в приемной весьма театральную толпу: принцесс, потерявших возлюбленных, госуда-

рей, лишившихся царства, маршалов, выпрашивающих себе корону... Вокруг меня – обманутое честолюбие, пылкое соперничество, скорбь, скрытая в глубинах сердца, горе, которое прорвалось наружу. Мой дворец полон трагедий, и я сам порой ощущаю себя самым трагическим лицом нашего времени. Но разве мы вздымаем руки кверху? Испускаем истошные крики? Нет, мы говорим естественно, не правда ли? Так делали и те люди, которые до меня занимали мировую сцену и тоже играли свои трагедии на троне. Вот над чем стоит подумать вам, актерам неповторимой «Комеди Франсэз»!..

Император дал мне возможность все это записать и ушел раздумывать, как развить столь удачно начатую атаку на губернатора. Когда-то он воевал с целым континентом, теперь – с жалким губернатором...

План был составлен, и уже к вечеру Киприани спустился с нашей скалы в Джеймстаун, а утром весь остров шепотом передавал друг другу монолог императора.

Далее император развил успех. У него огромное состояние, однако он из принципа предпочитает жить на «тюремные деньги», которые ему выделяет Англия. И он приказывает принести столовое серебро.

– Рубите! – велит он.

Маршан и Бертран топорами порубили посуду на куски. И Киприани отправляется с этими кусками серебра в городок, в съестную лавку. Он ждет, когда туда зайдут английские офицеры с корабля, стоящего на рейде.

Офицеры заходят в лавку. И тогда слуга императора вываливает перед лавочником серебро.

– Сколько это стоит? – спрашивает он хозяина. И поясняет: – Я пришел продать вам его, чтобы прокормить нашего повелителя.

И он еще раз пересказывает монолог императора.

Завтра рассказ о нищете вчерашнего владыки мира и гнусном поведении сэра Гудсона Лоу поплывет в Европу.

Но император неумолим. Он продолжает наказывать губернатора. Сегодня он сказался больным и утром не вышел из дома. Губернатор пребывает в ужасе. Эльба! Призрак проклятой Эльбы! Он не выдерживает и днем посылает караульных. Мы отвечаем, что император нездоров. Посланцы требуют «предъявить генерала Бонапарта». Император велит отвечать солдатским матом.

Появляется сам губернатор. Он приказывает солдатам войти в дом (если понадобится – взломать дверь) и сообщить, там ли пленник.

Я наблюдаю, как император преспокойно заряжает ружье и говорит с радостной улыбкой:

– Если кто-нибудь войдет ко мне – клянусь, я его убью. В этот момент он вновь на поле боя!

Он посмотрел на меня. Я кивнул – запишу.

Как всегда, положение спас Маршан. Он вышел к англичанам и шепотом пообещал приоткрыть занавеску. И английский караульный с облегчением смог написать в рапорте: «Наблюдал генерала Бонапарта в халате с ружьем в руках».

Больше в тот день нас не тревожили.

Перечитал всю сцену, записанную тогда. (Как изменился с тех пор мой почерк – все больше походит на почерк покойного отца!)

Повторюсь: я сблизился с императором после Ватерлоо. И то удивительное, очень странное, что случилось тогда на моих глазах и казалось подчас совершенным безумием, суждено мне понять только теперь.

Я выбираю из вороха записей те дни...

Жаркие дни после Ватерлоо

Только что я узнал – император проиграл битву при Ватерлоо. По слухам, очень много солдат погибло в кровавой резне. Старая гвардия прикрывала отход остатков наших войск, беспорядочно бежавших. Однако (опять же по слухам) маршал Груши сумел вывести свой корпус без потерь к Парижу.

Сегодня во время заседания Совета министров Люсьен⁴ рассказал о поражении при Ватерлоо и, говорят, тщетно пытался приуменьшить потери. Он сказал: «Гибель даже нескольких десятков тысяч солдат не должна решить судьбу Франции».

Но министры молчали...

Только что прискакал курьер – император приедет завтра. Союзники опять движутся на столицу. Второй раз в течение одного года должно произойти то, чего великий город не знал тринадцать веков – неприятель войдет в Париж. И оба раза позор случился в правление того, кто расширил границы империи до размеров всей Европы, при ком Франция правила миром!

Сегодня 21 июня. Рано утром император вернулся в Париж. Но слухи о катастрофе его обогнали.

Вместо Тюильри император решил остановиться в Елисейском дворце (многими это воспринято как знак краха). Я приехал во дворец.

Император сидит в зале с отсутствующим видом. Собрались министры. Он комментирует битву равнодушным голосом и вообще ведет себя странно – как посторонний.

Я слышал, как Люсьен говорил Гортензии⁵: «Он парализован и полностью покорился судьбе...»

Однако уже через пару часов его посетил прежний прилив энергии. Вечером опять собрали министров. Император начал излагать великолепный план новой кампании. Но вскоре погас и, не закончив речь, попрощался. И затворился в своем кабинете.

А враги не дремали! Лафайет добился экстренного созыва Палаты депутатов – и раздалась грозные речи. Я вновь поспешил во дворец.

⁴ Брат императора.

⁵ Падчерица императора.

Стоит нестерпимая жара, но никто не покидает раскаленный город. Тысячи людей собрались на улицах, предместья пришли в Париж – как во времена революции. И рабочие, как это ни странно, – за него.

Огюстен Шаламель. Портрет Люсьена Бонапарта. 1889

Бесконечные процессии идут мимо дворца. Народ приветствует императора...

Император выходит в сад. Все с тем же равнодушным видом слушает приветственные крики из-за решетки дворца. Он медленно расхаживает по саду. Замечает меня:

– А, это вы, Лас-Каз...

Я кланяюсь и подхожу ближе.

– Вам повезло – вы наблюдаете Историю. Вам будет что написать. Вы недурно пишете, я читал ваш «Атлас».

Клеман-Огюст Андриё. Атака французских кирасир в битве при Ватерлоо. 1852

Император глядит на часы – видимо, ждет возвращения брата, уехавшего в Палату депутатов. Забавно: когда-то Люсьен организовал переворот в Палате и сделал его первым консулом. Потом они были в ссоре. Теперь все забыто и Люсьен снова в Палате – спасает его.

При свете солнца я вижу, как изменился и обрюзг император. Тяжелое приземистое тело, мешки под глазами...

Люсьен сказал вчера Гортензии: «В первый момент я его не узнал – это развалина. Император французов исчез».

За воротами не смолкают крики: «Да здравствует император!» Но он будто не слышит, все так же медленно расхаживает по саду. И молчит.

Я останавливаюсь в стороне, чтобы не мешать ему думать.

– Да нет, идите рядом, – бросает он.

Так мы и ходим кругами под крики: «Да здравствует император!»

Наконец приехал из Палаты Люсьен. С ним маршал Даву. После поклонов и приветствий Люсьен начинает:

– Сир, только что Лафайет предложил Палате заседать непрерывно. И они приняли решение.

Он замолкает, глядит на меня. Император сухо бросает:

– Говорите при нем!

Мы проходим во дворец. Здесь Люсьен подробно рассказывает о вчерашней ночной встрече Фуше и Лафайета. (Дворцовая полиция, видимо, все еще неплохо работает. Или враги уже не желают таиться?)

– Фуше сказал Лафайету: «Как видите, я был прав. Этот человек... – так он назвал вас, Сир, – вернулся еще более безумным, еще более воинственным и, что самое страшное, еще большим деспотом. Вы, Лафайет, – Французская революция, которая воскресла, чтобы его уничтожить». Они договорились устранить вас, Сир. Фуше пообещал Лафайету: «Мы так просто не сдадимся. Мы выговорим у союзников республику!» И этого было достаточно. Лафайет поверил, он с ними. Мираж республики соединил глупца-идеалиста с подлым интриганом. Фуше, конечно же, решил пока сам стать главой Франции и принести Бурбонам на блюде ваше отречение, Сир, а лучше – и вашу голову. Так он рассчитывает вымолить себе прощение за кровь короля. Он развел вас с Палатой, Сир! И сейчас там льются подлые речи...

Люсьен остановился, ожидая реакции брата.

– Продолжайте! – равнодушно сказал император.

Чтобы разбудить наконец его негодование, Люсьен читает по бумажке речь Лафайета:

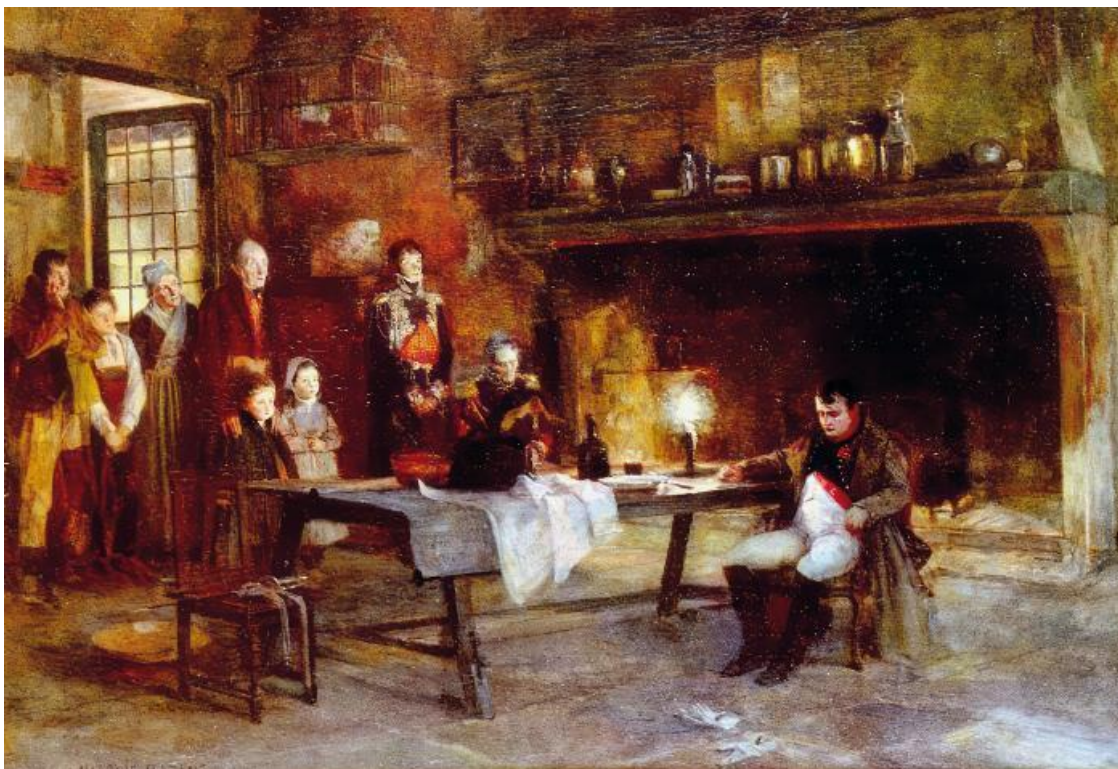
– «Настал момент объединиться нам вокруг знамени восемьдесят девятого года – знамени свободы, равенства и порядка. Только под знаменем Великой революции мы сможем противостоять иностранным притязаниям и внутренним попыткам мятежа. И еще: я предлагаю объявить вне закона всякого, кто попытается совершить акт насилия по отношению к Палате

представителей народа...» А дальше уже непосредственно о вас, Сир: «Я вижу между нами и миром одного человека. Пусть он уйдет – и будет мир».

– Далее? – все так же равнодушно произносит император.

– Далее – гром оваций. Аплодируют все – и старые республиканские безумцы, поверившие в возвращение революции, и сторонники Фуше, и испуганное «болото».

– Ну что ж, пусть делают, что хотят. На свою голову я приучил их только к победам – в беде они не могут прожить и дня... Поезжай, объясни безумцам, что революция, вернее, ее опасный призрак, и вправду вернулась!

Франсуа Фламенг. Наполеон после битвы при Ватерлоо. XIX век

Он указывает рукой за ограду, откуда несется рев тысяч глоток.

– Но этот призрак не с ними, не в зале Палаты. Он за ее окнами. И он – со мной.

– И это только начало, Сир. Предмесья входят в Париж, – Люсьен приободрился. Он добавляет, многозначительно улыбаясь: – Кто-то сообщил народу, что происходит в Палате. И народ требует разогнать предателей!

Но ловкость брата не трогает императора. Он молчит.

А с улицы продолжают доноситься грозные вопли: «Да здравствует император! Депутатов на фонарь! Диктатуру императора!»

Император подходит к окну и глядит на тысячи людей, которые славят его. Люсьен громко шепчет:

– Надо распустить Палату и объявить: «Отечество в опасности!» Париж укреплен. Груши сохранил свою армию...

Но император по-прежнему молчит и смотрит на улицу. На лице Люсьена – отчаяние. А люди идут и идут мимо дворца...

Принесли последнее сообщение из Палаты: выступили Сийес и Карно. Они говорили об обороне Парижа, которую может организовать лишь один человек – император. Но Лафайет

своей речью опять переломил ход заседания... И Люсьен, все еще надеясь разбудить гнев брата, читает (с выражением) патетические слова Лафайета:

– «Кости наших братьев и детей наших разбросаны от пустынь Африки до снегов Москвы. Миллионы жизней отдала Франция человеку, который и теперь мечтает о борьбе со всей Европой. Довольно!...»

– Глупец! – не выдерживает император.

– Сир, вы должны решиться! Но император опять молчит.

Наступает ночь. Император уходит спать. Люсьен отправляется то ли в Палату, которая все еще заседает, то ли в город. Мы бодрствуем.

В половине четвертого утра приносят новое сообщение. Палата, охрипнув от воинственных речей, постановила: император должен отречься. В противном случае он будет объявлен вне закона.

Люсьен читает императору решение Палаты. Император остается совершенно равнодушным. Преспокойно пьет кофе. И о чем-то думает...

Приезжает Бенжамен Констан. Тот, кто во времена славы императора клеймил его «Чингисханом и Аттилой», теперь – его советник. Он перепуган:

– Сир, вас просят отречься...

Император не отвечает. Но отвечает улица:

– Да здравствует император! – ревет толпа из-за решетки дворца. Он улыбается.

– Вы слышите голос простых людей? Разве я осыпал их почестями и деньгами? Нет, они мне ничем не обязаны. Они были и остались нищими, но их устами сейчас говорит вся страна. И достаточно одного моего слова, чтобы они расправились с жалкими безмозглыми строптивцами. Запомните: если я пошевелю пальцем, ваша Палата перестанет существовать! Но я не для того вернулся с Эльбы, чтобы потопить Париж в крови!..

Он замолчал.

Последняя фраза мгновенно разлетелась по Парижу.

Впрочем, для того он и сказал ее нашему славному публицисту...

Из Палаты приносят проект отречения. Его подготовил Фуше. Удивительный тип этот Фуше! У него мертвенно-бледное лицо – лицо трупа. В день гибели Робеспьера он все организовал, но выступали другие. Так и сегодня – выступал Лафайет, но все организовал он, Фуше.

– Мы теряем драгоценное время, – говорит Люсьен. – Умоляю, Сир, объявите мерзавцев вне закона. Велите! Решайтесь!

Император долго молчит. Наконец отвечает – глухим голосом:

– Я решился.

Он подходит к столу, берет перо. Быстро пишет.

– Читай, – говорит он брату.

Люсьен берет бумагу и, побледнев, читает вслух:

– «Моя политическая карьера окончена... Я отрекаюсь от престола в пользу моего сына Наполеона Второго...»

Неужели он не понимает: союзники не пойдут на это! Никогда и ни за что! Не для того они приходят в Париж...

Люсьен умоляет брата подождать, но император странно торопливо подписывает отречение.

– Передай его нашим глупцам. И скажи: уже вскоре они потеряют все, ради чего меня предали. У Лафайета не будет его республики, а у Фуше – его министерского поста.

Братья выходят в сад. Люсьен продолжает уговаривать. Он тычет пальцем в ревущий людской поток за оградой, откуда слышны бесконечные приветствия императору и проклятия депутатам.

– Они умоляют вас: «К оружию!» Вся Франция, Сир, сегодня провозглашает: «Да здравствует император!» Вы никогда не были так любимы! Мы разгоним депутатскую сволочь... как когда-то, восемнадцатого брюмера⁶. Нет, куда легче!

Император отвечает слишком громко – будто всем нам:

– Восемнадцатого брюмера я обнажил шпагу ради Франции. Сегодня я должен вложить ее в ножны, я не хочу гражданской войны. Я не могу залить страну кровью. Я не буду императором Жакерии.

Он снимает треуголку и стоит с обнаженной головой, отвечая на приветствия толпы.

Потом братья отходят в сторону от свиты. Теперь они стоят прямо под моим окном. И я слышу шепот Люсьена:

– Слова, красивые слова... Что с тобой? Я тебя не понимаю. Неужели ты так устал? Ты постарел? Или... ты что-то задумал?

Император не отвечает.

За решеткой все идут люди. И кричат до хрипоты: «К оружию! Да здравствует император!»

«Ты что-то задумал?» Эта фраза уже тогда озадачила меня. И потом я не раз вспоминал вопрос Люсьена.

Вечером мы узнаем: Фуше уже ведет переговоры с союзниками. Они хотят одного: возвращения Бурбонов. Мечта о династии умирает на глазах. Но император остается в странном бездействии.

Приезжает маршал Даву, путано объясняет:

– Пока вы в Париже, Сир, Фуше опасается народного восстания.

Император усмехается:

– И вы хотите, чтобы я...

⁶ День переворота, когда Бонапарт стал Первым консулом.

Клод-Мари Дюбуфф. Портрет Жозефа Фуше. Первая половина XIX века

Этим «вы» император соединяет маршала с изменниками. Даву жалко бормочет:
– Новое правительство просит, Сир... покинуть дворец... и Париж.
Император молча выходит из комнаты. Растерянный Даву уезжает.

Вечером появляется сам Фуше. Тощая фигура, тонкие бесцветные губы, угодливо склоненная голова. Но в рыбьих глазках – постоянная насмешка.

– Ваше Величество, я пришел как глава временного правительства.

Он не желает скрывать свое торжество. Император улыбается:

– Я в первый раз вижу вас поглупевшим. Вам нельзя повелевать, Фуше. Цезарем рождаются, впрочем, как и слугой. Вы – великолепный слуга... Но в одном вы правы: ваше правительство – временное. Очень временное. Надеюсь, после его конца вы вновь приобретете те качества умного слуги, за которые я прощал вам столь многое.

– Я и пришел послужить вам, Сир. Вам следует покинуть дворец. И как можно скорее – Францию. Я не хотел бы, чтобы вас захватили союзники. Блюхер обещает повесить вас на первом суку... Сир.

И опять – торжество в глазах.

– Что ж, Блюхер прав в своей ненависти ко мне. Это от страха. Я столько раз бил его... И если бы вы не предали меня, ни один пруссак не ушел бы за Рейн.

И тогда Фуше сказал... клянусь, я слышал это, ясно слышал!

– Но, по-моему... **вы сами захотели, чтобы вас предали?** Вы сами предоставили нам эту возможность. И вы не заставите меня поверить, Сир, во все глупости, которые вы наговорили Констану и вашему брату. – (Фуше, как всегда, отлично осведомлен обо всем.) – Вот только для чего вы это сделали, я не понял.

– Вам трудно поверить, что польза Франции, безопасность Парижа могут быть для кого-нибудь превыше всего?

– Для «кого-нибудь», но не для вас, Сир. Я никогда не поверю, что есть хоть что-то на свете, ради чего вы согласитесь перестать воевать.

Оба помолчали. Наконец Фуше спросил:

– Вы действительно думаете уехать в Америку?

– И я уверен, что вы уже предупредили об этом англичан, – усмехнулся император.

Фуше молчит. Наконец произносит:

– Я дам вам охранную грамоту от имени правительства.

– Временного, не забывайте постоянно добавлять это слово. От имени временного правительства императору Франции и королю Италии охранную грамоту даст вчерашний убийца короля. Смешно.

– А по-моему, логично. Убийце герцога Энгиенского даст охранную грамоту убийца Людовика Шестнадцатого, – отвечает Фуше. И добавляет: – Полжизни бы отдал, чтобы понять: что же вы задумали?

– Этого вам никогда не понять. Точнее – не дано понять. Мечты цезаря и мечты лакея такие разные...

Фуше молча откланивается.

Император объявил:

– Мы покинем дворец, коли они так настаивают. Утром мы отправимся в порт Экс. А оттуда...

Он замолчал.

– В Америку? – не выдержал я.

– В Америку... – как эхо повторил он. – Но по дороге заедем в Мальмезон.

Тут заговорил кто-то из придворных (кажется, граф Бертран):

– Но, Сир, осмелюсь сказать, нельзя терять времени. Союзники вот-вот войдут в Париж. Роялисты охотятся за вами...

Он не ответил. Пошел принимать свою любимую ванну.

Вскоре император позвал меня.

Он лежал в ванне и читал «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Я вошел, держа в руках предусмотрительно взятую с собой тетрадь, – решил записывать в нее важные события и мысли императора.

Он одобрительно посмотрел на мою тетрадь:

– Спрашивайте, Лас-Каз.

– Сир, почему вы не повесили Фуше и Талейрана?

– А зачем? Талейран слишком любил деньги и женщин. Покуда он знал, что при мне можно хорошо зарабатывать и хорошо е...ся, – (император любит солдатские выражения), – он служил мне верой и правдой. Умнейший человек! Сохрани я его, я и сегодня сидел бы на троне. За ним просто надо было следить – но неусыпно. Моя вина, что я не сумел этого сделать... Что же касается Фуше, здесь та же история: подлый лакей, оставленный повелителем без должного присмотра. Я всегда знал, что при первой неудаче они меня продадут. Но опрометчиво был уверен, что никогда не дам им такой возможности... Что ж, банальное: никогда не говори «никогда».

Я вопросительно посмотрел на свою тетрадь для записей.

– Записывайте, записывайте. Вы сейчас свидетель Истории.

Да, я свидетель. Я добросовестно записал события этих неповторимых дней: как император мог смести этих жалких говорунов, как он мог установить диктатуру, о которой умолял его весь Париж, и как он отказался это сделать. Но сейчас, глядя на него, преспокойно лежащего в ванне после того, как он отдал империю, я вслед за Фуше задавал себе вопрос: почему? Почему он, который пролил потоки крови, вдруг испугался крови? Или он... устал от крови?

Император засмеялся и тотчас ответил:

– Я сказал правду этому лакею Фуше – цезарем не становятся, им рождаются. И мысли цезаря не понять тем, кто не рожден цезарем. Не записывайте, ибо это тоже банально. Понять цезаря не дано было даже великому Тальма. Потому он так плохо сыграл шекспировского Цезаря. Я объяснял ему: «Когда Юлий Цезарь произносит тираду против монархии, он не верит ни единому своему слову. Так что эти слова нельзя произносить с пафосом, наоборот, – со скрытой насмешкой». Тальма не смог... Ах, мой друг, как я хохотал над слухами, будто я учился у Тальма искусству жеста! Нет, цезарь не учится у актеров. Цезарь уже рожден великим актером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.